

Шода

Мотив волшебного острова/сада в поэтическом творчестве У. Б. Йейтса и А. Блока («Странствия Ойсина» и «Соловьиный сад»)

Русскоязычные исследователи творчества Уильяма Батлера Йейтса не раз отмечали сходство между ирландским поэтом и некоторыми представителями русского символизма (Вяч. Ивановым, М. Волошиным, А. Блоком). Речь идет о типологических аналогиях, поскольку нельзя говорить о взаимовлияниях, обычно наблюдающихся только в пределах одной национальной литературы или интенсивно контактирующих культур (как, например, полное перенимание русскими символистами поэтики французских символистов). Возможно, именно опыт французского символизма с поправкой на осмысление своей национальной специфики сказался на ряде типологических сходжений, наблюдающихся в творчестве У. Б. Йейтса и А. Блока. Причем эта схожесть сказывалась и в том, что оба они отказались от одних и тех же черт творчества своих предшественников. Для французских символистов трансцендентное не окрашивалось в национальные тона. Тогда как ирландскость Йейтса диктовала ему темы и мотивы из истории и мифологии Зеленой Эйре. Луис МакНис об этом писал: «Ирландия, которой Йейтс пытался навязать теософию и эстетизм, помогла ему не превратиться в их раба. Ирландия, сущность которой он подчас искажал, дала содержание его поэзии». В то же время в творчестве Блока отчетливо звучала тема России, Руси, хотя его обращение к русскому фольклору отличалось большей умеренностью. Чистые, ясные, восторженные краски его стихотворений исследователи (А. Турков) сравнивают с древнерусской иконописью. Представление Блока о чудном мире русской природы с «низшей» мистикой населяющих ее мелких проказливых духов созвучно обращению Йейтса в ранних своих стихах к таинственному миру

кельтских легенд. Но если персонажи Йейтса, веселые проказники-эльфы и недоступно-прекрасные полубоги изображены так, что окутывающие их «кельтские сумерки» лишь придают им лишь большее правдоподобие, то бесенята, колдуны и прекрасные девы Блока скрыты туманом символистской «развеществленности».

Также обоим поэтам (на ранних этапах творчества у А. Блока и на протяжении всей жизни Йейтса) были присущи мистицизм и склонность к построению эзотерической системы символов. И здесь следует отметить общую философскую базу мировосприятия—неоплатонизм, который Йейтс воспринял непосредственно через работы Плотина, а Блок в интерпретации Вл. Соловьева. Соловьевская Мировая Душа, Вечная Женственность, отозвавшаяся в «Стихах о Прекрасной Даме», тождественна *Anima Mundi* из мифопоэтической системы Йейтса и Вечной возлюбленной его ранних стихов. Роднит обоих поэтов и романтически окрашенная идея «народности» и мечтания о единении крестьянства и аристократии, в обоих случаях на поверку оказавшиеся утопическими. Столь значительное сходство говорит о типологической общности процессов, сказавшихся в творчестве У. Б. Йейтса и А. А. Блока.

Постулированная выше общность не сводилась исключительно к области философии и миропонимания, но находила живое воплощение в художественной ткани их поэтических произведений. Избранные для анализа поэмы в первую очередь привлекают внимание сходством сюжетов, в основе которых лежит мифологема «волшебного острова (сада)», дарующего вошедшему бессмертие в обмен на забвение. Трудно сказать, откуда берет начало этот образ, параллельно возникший в различных мифологиях. Это и волшебный сад из эпоса о Гильгамеше, и остров нимфы Каллипсо, пленившей Одиссея, это Авалон—Стеклянный остров из бретонских сказаний о короле Артуре, это сад морской богини из восточных сказок. В частности, один из исследователей творчества Блока (Г. И. Дербенёв) проводил параллели между «Соловьиным садом» и

именно восточной фольклорной традицией (японская сказка «Урашима-Таро и богиня моря»). Что касается ирландского поэта, то костяк его поэмы представляет собой точный пересказ кельтской легенды о путешествии Ойсина, Сына Мак Кула. Обратившись к ирландской старине, Йейтс создал вполне современную по миропониманию яркую символистскую поэму. Несмотря на некоторые недостатки («Это—местами неровное, перегруженное и вялое произведение,» -- Sandra Gilbert), поэма очень значима для автора. Об этом говорит хотя бы тот факт, что, составляя «Избранные стихотворения» (Collected Poems), Йейтс поместил её не в конце книги, вместе с другими поэмами и драмами, написанными в разное время, а в правильном хронологическом порядке, на первых страницах тома. Поэма не только знаменовала начало его литературной карьеры, она задавала тон для многих позднейших произведений Йейтса. А во-вторых, и, возможно, это более важно, «Ойсин» затрагивал тему, ставшую для Йейтса основным «наваждением» жизни. Это один из магистральных мотивов как классической, так и романтической поэзии—тема противостояния смерти и бессмертия, «древней печали людей» и радости вечной молодости.

Поэма написана в излюбленной Йейтсом форме диалога. Истина рождается в столкновении двух противоположностей, считал он и сталкивал в своих стихах Святого и Горбуна, безумную старуху и епископа, своё тело и свою душу. Здесь перед нами предстают два немощных старца, но один из них Святой Патрик, по легенде первый проповедник христианства в Ирландии, а другой—бывший воин и бард Ойсин, свидетель тех дней, когда в Ирландии жили кельтские боги—сиды. Хотя Патрику принадлежит лишь 21 из 891-й строки, содержащейся в поэме, это не исповедь, как можно было бы подумать. В средние века, чтобы сохранить историю страны, ирландские священники часто расспрашивали очевидцев и записывали их рассказы. Ойсин повествует о том, как с помощью чар сиды Ниам посетил три острова: Остров Радости, землю юности и любви, Остров Битв с непрерывными боями, победами и пирами, Остров Забвения, где находила покой

старость, отягощённая опытом. Путешествие Ойсина по трём островам символизирует три этапа человеческой жизни со своим, индивидуальным ощущением мира, и три этапа становления человеческой души. Остров Танцующих – символ человеческой юности. Подобно юношам и девушкам этого острова, все молодые люди воображают себя бессмертными, и, таким образом, человеческая юность дарует субъективную и ошибочную, но на мгновение реальную разновидность бессмертия каждому человеку. Но похожая на сон вечность страны молодых – лишь ловушка для несчастных душ, не могущих её отвергнуть ради последующего духовного развития. На это обращает внимание такая мелкая деталь: птицы, поющие на деревьях, на самом деле painted – нарисованы. Ойсин с удивлением ощущает своё пресыщение безоблачной и безответственной юностью, в нём просыпается «тоска земли». Следующие сто лет он проводит на Острове Битв, символизирующем расцвет человеческой жизни, ясную его середину – «без мечтаний, без страха, без томлений, без усталости: только вечная война и бесконечный пир». Третий остров – Остров Забвения – населён спящими великанами. «Так долго они спят, / что совы свили гнёзда в их волосах, / и глаза их заполнены мутным мороком.» Этот образ предполагает духовную пассивность, уместную на данном этапе, – по контрасту с предельным напряжением всех сил на более ранних стадиях путешествия. Это символ стареющего духа, который тяготят воспоминания о прошлом; от них можно избавиться лишь во сне. Интересен такой аспект поэмы, как использование ритма для усиления символической нагруженности текста. Произведение состоит из трёх частей: первая написана быстрым, лёгким «танцующим» четырёхстопником, вторая – пятистопным ямбом, характерным для классической английской поэзии, и третья – тягучим гекзаметром, как бы звуковым воплощением медленно текущих мыслей сонной старости.

Если «Странствия Ойсина» были произведением начинающего поэта, то А. А. Блок свой «Соловьиный сад» написал в зрелые годы жизни и творчества. В его

стихах уже отзвучали перепевы соловьёвских теорий. Словесная оболочка поэмы несравненно обыденней и проще его ранних стихов. Но мысли, заключённые в эту оболочку, не поддаются простому и однозначному истолкованию, как, например, существующая в литературе о творчестве

Блока трактовка сада как дьявольского соблазна, погибели человеческой. Герой «Соловьиного сада» – простой рабочий, пленённый прекрасной песней. Соловьиный сад не обманул его надежд, даже превзошел его «нищую мечту» о прекрасном. Но он испытывает беспокойство, которое сродни тоске земли, зовущей Ойсина. Соловьиный сад – образ счастья, ещё недостижимого для всех людей, и поэтому морально невозможного для того, кто, казалось бы, мог им наслаждаться. По трактовке А. Горелова, сад – это ещё и поэзия, отдалённая от реальной жизни. В таком контексте мы можем расценивать мотив сада как указание на вполне определённую опасность, подстерегающую всякого, кто совершает подобный выбор: опасность потерять волю к возвращению и не исполнить тем самым своего предназначения – причем причина кроется в возникающей привязанности к более возвышенному, по видимости, состоянию. Поскольку соловьиная песнь бессильна «заглушить рокотание моря», герой и автор ставят под сомнения своё право на подобную песню. Место поэта там, где человеку тяжело. Такой путь избирает и Ойсин, когда Св. Патрик предлагает ему на выбор или молиться христианскому Богу о спасении души, или отправляться в ад к своим товарищам. Ойсин предпочёл второе: «К фениям я спешу./ Я буду им петь, чтоб воспрял их дух и юный вернулся пыл./ (...) / И будет ад потрясен нашим хохотом, криком и звоном конских копыт». Но певец избрал себе путь сострадания ещё до разговора со святым, нарушив классический сказочный запрет, который в данном случае звучал: не сходи с волшебного коня, не касайся ирландской земли. Другими словами, прикоснёшься к чему-нибудь смертному – и к тебе вернется твоя смертность. А Ойсин без раздумий приходит на помощь людям, волокущим тяжелый мешок песка. Этот мешок – символ бремени,

которое, как он чувствует, вынужден разделить. Но вернёмся к Блоку. Соловьиная песнь не в состоянии заглушить и «жалобный крик осла», зовущего своего хозяина. Если принять за точку отсчёта слова Фомы Аквинского, называвшего бременное человеческое тело «братом ослом», проступает ещё один план поэмы. Телесное остаётся за оградой, в сад вступает душа. Сад – это область духовного (той же поэзии), откуда героя вырывает зов телесного, его брэнной оболочки. Также и путешествие Ойсина можно представить как странствие – становление души с промежуточными остановками – этапами ученичества.

Сюжет движется по канонам всё той же волшебной сказки: в обеих поэмах герой оставляет колдовской мир ради реальности. Но он не догадывается о том, что право выбора даётся только один раз, и, как невозможно возвращение в Соловьиный сад или на Счастливые острова, так неосуществимо возвращение в тот мир, который ты покинул. Ойсин не находит своих друзей-фениев, точно также как безымянный герой Блока не обнаруживает своего дома и осла, его место в жизни занято другим человеком.

Таким образом, некоторые типологические аналогии, найденные в анализируемых поэмах, говорят об сходстве мировосприятия и мировоззрения поэтов в ситуации, исключаяющей какие-либо заимствования, связанном с общностью литературных и социальных процессов, протекавших в то время в России и Ирландии.

Литература:

1. *Gilbert S.* The Poetry of W. B. Yeats: a critical guide. N. Y., 1965
2. *MacNeice L.* The Poetry of W. B. Yeats, Lnd, 1967. p. 56
3. *Горелов А.* Гроза над соловьиным садом. Л., 1975.
4. *Дербенёв Г. И.* Антиномия борьбы и покоя в поэзии А. Блока // Поэзия А. Блока и фольклорно-литературные традиции. Омск, 1984. С.78-96.

5. *Хорольский В. В.* А. Блок и У. Б. Йейтс: пути символизма // Там же. С. 118-124

6. *Турков А.* Александр Блок. М., 1981.